

Юрий САУЛЬСКИЙ:

«ЮМОР РАВНОЗНАЧЕН ДОБРОТЕ»

Юмор – это не шутки. И тем более – не анекдоты. Это состояние души. Это расшалившееся сознание. Это взгляд на жизнь, в конце-концов. Это огоньки в глазах. Это доброжелательность и мудрость. Это готовность видеть мир лучше, чем он есть, и умение смеяться, как ребенок. И всё это – Юрий Саульский. Народный артист России, композитор, дирижер, признанный мэтр джаза, член Совета Попечителей Московского Английского клуба. Человек веселый и легкий. Человек, создающий вокруг себя атмосферу. А это так много...

– Можно ли стать хорошим джазменом без чувства юмора?

– На раннем периоде развития джаза юмор в нем был просто заложен. Ранний джаз и юмор – это идентичные вещи – по настрою, по остроумию, по неожиданности приемов. Помните эти смешные барабанные брейки, которые хорошо известны

по чаплинским фильмам? Ведь недаром же Чаплин брал для озвучивания своих фильмов джаз! А с каким юмором был Армстронг! Уже глядя на него хочется улыбаться. Он играл так, будто анекдот рассказывал. А его пение! А наш Александр Цфасман с его остроумными пассажами на рояле, а негритянские буги-вуги тех времен... Одним словом, джаз и юмор – это родные братья. Но потом джаз стал развиваться в более элитарную сторону, философскую. Джазу стали подвластны другие настроения и состояния души. Джаз расширял свою образную сферу. Уже не только юмор, веселье, танец слышались в нем, но и драма, мелодрама, лиризм, задумчивость, а иногда и трагедия. Джазу все это подвластно. Появился даже некоторый джазовый снобизм – в хорошем смысле этого слова – какой-то узкий круг избранных, которым это нравится – как в современном авангарде – три человека восхищаются, всем остальным – наплевать, а некоторым даже и противно смотреть. Но без элитарного искусства нет искусства массового. Но это я уже вышел за рамки вашего вопроса, возвращаясь же к нему, скажу, что, конечно же, хороший джазмен должен обладать чувством юмора. Я получил огромное удовольствие, побывав в Нью-Йорке, в Тайм-кафе, которое держит вдова Чарли Мингуса – знаменитого джазового контрабасиста и композитора, в котором биг-бэнд исполняет его произведения. Там музыканты играют «с листа», без предвзятых репетиций. Так вот во время игры у них что-то не получилось, и тогда один музыкант говорит: «Сейчас мы это место повторим еще раз – оно у нас лучше получится!» Ну разве это не юмор?! Вообще, если говорить шире, то джаз и юмор – это очень близкие сферы. Потому что находчивость джазового музыканта, его остроумие – это на каждом шагу.

–А в кого Ваше чувство юмора?

– Бог его знает! В нашей семье были веселые люди. Мой дядька Владимир Юрьевич Булгаков был знаком с Мариенгофом, Есениным, Маяковским и другими, он жил в Газетном переулке, где как раз и собирались имажинисты, Он прекрасно знал стихи, и когда мы приехали к нему в эвакуацию в Сибирь (а его туда

Кавалеры Золотого Почетного знака «Общественное признание». Справа – певец В. Девятов

сослали в 37-ом), то он был для нас единственным человеком, который давал нам свет. Он читал нам Ильфа и Петрова, Есенина, Маяковского, это было при огарке свечи. А потом, позже, в Москве, в нашем доме часто собирались интересные люди, было весело, мама играла на рояле (она была певица). А я во дворе собирал ребят, мы пели песни и создали шумовой оркестр, которым я руководил. Так что я уже тогда был таким юным джазменом. Откуда мой юмор? Так уж получилось, так вышло, может, генетически, может, семейные традиции повлияли. Мне это близко, и когда есть настроение, и когда это к слову, и когда есть какой-то ассоциативный круг, – рождаются шутки,

человек хорошо смеется – значит это хороший человек?...

– Наверное... Хотя смех может выражать разные состояния души – бывает и злоевищий смех. Можно смеяться, закатываться, но хохотом злым и неприятным. Поэтому, наверное, когда так говорят, имеют в виду людей, которые хорошо реагируют на шутку, юмор, у которых есть запас добродушия, ведь юмор равнозначен доброте. Правда, в определенных случаях смех – сильное оружие.

– Но в то же время ничто не сближает людей так, как хороший смех...

– Да, конечно, хотя иногда бывает и по-другому... Есть такое выражение – против кого дружите? Вы никогда не

сталкивались с таким: какие-то люди относятся друг к другу плохо, но если они вдруг вместе начинают плохо относиться к кому-то третьему – то это их сближает, и они даже с радостью сближаются!? Так что – увы! – объединяет, порой, не только хорошее...

– А у Вас были случаи, когда с кем-то посмеялись вместе, а потом возникла длительная симпатия?

– Ну, а как же? На каждом шагу. Юмор, безусловно, объединяет. Это значит люди одной группы крови, люди, которые смеются одним шуткам, чувствуют тонкость этой ткани... Это очень сближает.

– В каких ситуациях Вы теряли чувство юмора?

каламбуры, вспоминаются анекдоты.

– Вам везло на остроумных людей?

– Да, бесспорно. Я очень дружу с Аркадием Аркановым, остроумнейшим человеком. Он мастер таких кратких, емких слов, фраз, мы с ним очень много каламбурили. Застал я и таких известных остроумцев, как Хенкин, Гаркави. Среди моих друзей масса каламбуристов, юмористов, людей, которые придумывают всякие розыгрыши, пародии... В общем, мне везло, конечно.

– Говорят, что ни в чем так не проявляется характер человека, как в том, что он находит смешным. Что вызывает улыбку у Вас?

– Для человека с чувством юмора, кажется, в самом воздухе есть смех. У меня был приятель Константин Певзнер, который руководил оркестром «Ореро», – вот он мастерски делал юмор, так сказать, из воздуха. Когда он говорил тост, то он был кавказским по форме, но с иронией для европейцев. Я поражаюсь его чувству юмора – Котик (так его звали друзья) входил в комнату – и начинался смех. Что мне может казаться смешным? Так и не скажешь... Это могут быть самые неожиданные вещи. А для человека без чувства юмора даже то, что может вызвать смех, не смешно.

– А для Вас есть табу в шутках?

– Ну, конечно. Я не люблю обижать людей. Если меня «заносило», и я делал это, то, поверьте, не умышленно.

– Как Вы думаете, это правда, если

Фото: А. Тягны-Рядно

– Пару раз меня жизнь так прижимала к борту, что было не до юмора... В 57-ом году, например, когда в «Советской культуре» вышла разгромная статья про наш оркестр ЦДРИ под названием «Музыкальные стилиаги». Я был уничтожен и на два года стал персоной нон грата. Я был просто вычеркнут из жизни. Там отшутиться было невозможно... Вот в такие моменты наступает мрачность, а я к себе мрачному не привык. Я теряюсь, когда я мрачней. Тогда я просто перестаю быть самим собой, теряю жизненный иммунитет. Почему, скажем, пожилые люди не хотят отказываться от какого-то образа жизни, к которому привыкли, когда они были моложе? – Они просто никак не мо-

Музыканты всегда найдут общий язык. С Сергеем Никитиным

гут привыкнуть к себе новым. Так и я: как только теряю какую-то опору или чувство юмора – начинаю просто свирепеть. Я перерождаюсь, я самому себе такой не нравлюсь, и мне очень важно восстановиться и быть самим собой, а следовательно, опять обрести чувство юмора.

– Юмор музыкантов имеет какие-то специфические особенности?

– Конечно. Скажем, идет концерт, и вдруг у трубача сурдина упала. И оркестр шепчет: «У него сурдина упала... Поднял...» Ну, это, конечно, не высокий образец юмора, но когда это к месту – то это смешно. Или, например, так называемые «зеленые» концерты – когда последний концерт на гастролях, и дирижер разрешает шутить, делать какие-то хохмы, но чтобы они не мешали движению концерта. Помню, во время гастролей с моим оркестром «ВИО-66» мы с музыкантами много хохмили, было очень весело. Но однажды во время концерта барабанщик Володя Журавский вдруг встал и ушел. Мы ничего не поняли, а оказалось, что кто-то подошел и через занавес уколол его иглой в зад. После концерта я собрал оркестр и говорю: «Ребята! А вот это уже пошло и гнусно, и мы так не договаривались...». А потом, в этот же день, у меня была другая история: кто-то рассказал мне анекдот про то, как на репетиции дирижер показывает знак вступления литавристу, а тот не вступает, а делает такой успокаивающий жест руками и говорит: «Все в порядке. Я сыграю». Ну, хорошо, –

соглашается дирижер, понимая, что вечером на концерте музыкант сыграет. И вот уже вечер, концерт, дирижер показывает вступление, а литаврист опять делает жест руками, мол, все в порядке, сыграю. Но не играет! Я возьми да расскажи этот анекдот своим музыкантам... И вот у нас, на «зеленом» концерте, я должен показать такой мощный акцент четырьмя трубами и четырьмя тромбонами. Показываю. Встают восемь музыкантов и делают жест: «Все в порядке. Сыграем». Но не играют! Вот вам и анекдот!

– А Ваш ироничный склад ума находит какое-то отражение в Вашей музыке?

– Ну, наверное... Скажем, та же песня «Черный кот»... Это был чуть ли не первый советский твист, который очень долбили тогда. А вообще юмор в музыке – это очень сложная вещь. Самое трудное – это сделать, чтобы музыка была смешной. Скажем, в моем балете «Сеньора из Валенсии» есть такие смешные приемы, когда люди слушают и смеются от самой музыки.

– Вас часто разыгрывали в жизни?

– Да, розыгрыши были потрясающие. Мы были в Ереване в 60-ом году, на праздновании 40-летия республики. И Константин Орбелян пригласил меня помочь ему сделать праздничную программу. Мы приехали вместе – Арканов, Левицкий и я. Как мы там только не разыгрывали друг друга! Они звонили, меняя голос, и от-

Юрий Саульский – Людмиле Пучковой: «Я возвращаю Ваш портрет...»

имени какой-то девушки назначали мне свидание. Я выходил, ждал полчаса, потом появлялись они... Да всего и не вспомнишь!

– Вы боялись когда-нибудь быть смешным?

– По моему, нет. Потому что я сам себя обрекал на это очень часто. Даже когда могло так получиться, я выходил из положения с честью, пытаюсь все обернуть шуткой.

– А что Вам поднимает настроение?

– Во-первых, как это ни банально, я не могу без людей, особенно без людей интересных, которые рождают во мне какие-то ответные реакции. А с возрастом начинаешь все острее воспринимать – жен-

скую красоту, красоту природы, животных. Приближаешься к какой-то черте – и все это становится особенно дорогим. И юмор, как одно из высочайших проявлений человеческого ума, тоже в этом ряду.

– Жизнь сводила Вас со столькими интересными людьми. А кто самый остроумный человек в Вашей жизни?

– Их немало. Именно в жизни, не на эстраде, что хотелось бы подчеркнуть. Был такой Павел Гофман, скрипач из оркестра Эдди Рознера, – потрясающе остроумный человек, у него реакция была моментальная. Приходит он как-то на стадион, а там какой-то болельщик с трубой, который издавал ужасные звуки, когда его команда забивала гол. И Павел тут же среагировал на эту ситуацию: «О! Рознер пришел!» Или, например, композитор Сигизмунд Кац. На следующий день после того, как вышло сталинско-ждановское постановление об опере Мурадели «Великая дружба», громившее композиторов за формализм, Сигизмунд Кац встретил в Союзе композиторов опечаленного Ваню Мурадели. Кац говорит: «Вано! Ты, оказывается, формалист!» Ваню отпирается: «Нет, я не формалист. Я люблю классическую музыку, фольклор. Это ошибка!» «Нет, Вано, это не ошибка, – говорит Сигизмунд, – у тебя даже фамилия формалистическая: вместо «ми» – «му», вместо «ре» – «ра», вместо «до» – «де», а вместо «ля» – «ли!»

Представляете, какая потрясающая реакция у человека!

Один из остроумнейших людей – это, конечно же, Шура Ширвиндт. У него настолько все естественно, органично – вот опять – из воздуха делает юмор! Это грандиозный человек! А еще Борис Сичкин, который играл Бубу Касторского. Он тоже замечательный остроумец.

– Что же делать тем, у кого чувства юмора нет?

– Мне их очень жалко! Это все равно, что человек, который никогда ничего вкусного не ел. Но жалеть их надо дозированно, чтобы не «пережалеть». Когда жалеешь – это обижает. Я теряюсь с такими людьми. Но, в основном, у нас народ обладает чувством юмора, и, слава богу, – это помогает ему любые сложности переживать!

Беседовала Елена ЦЫГАНКОВА